

Мила Дрим

ПРИЗРАК

Мила Дрим

Призрак

«Издательские решения»

Дрим М.

Призрак / М. Дрим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501051-3

На западных землях нынче неспокойно. Миру грозит опасность — страшные враги готовы уничтожить все. Юная Леа прекрасна, жаждет любви славного Эрно. Только бывать ли свадьбе? Кто может дать ответ? Ведь уже совсем скоро Призрак погасит радости свет...

ISBN 978-5-00-501051-3

© Дрим М.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	13
ГЛАВА ПЯТАЯ	15
ГЛАВА ШЕСТАЯ	17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	19
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	21
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	24
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	26
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	29
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Призрак

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2019

ISBN 978-5-0050-1051-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои вымышлены, все совпадения случайны, однако автор был бы счастлив, если бы подобная любовь существовала.

Раннее средневековье, западные земли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наверное, ей не стоило этого делать. Вероятно, нужно было поостеречься и пройти мимо. Но Леа.

Леа не смогла.

Услышав приглушенный шум у зарослей мирта, листья которого девушка собиралась собрать для того чтобы позже из них сделать благовония, Леа, вместо того, чтобы убежать, опустила корзинку и шагнула в сторону раздающегося звука. Она вся напряглась, пытаясь понять, откуда доносится то ли стон, то и рычание... Леа не могла понять, но чувствовала – кто-то ранен и нуждается в ее помощи. А кто это сделает, если не она?

Быть может, это хищный зверь или олень? Хотя Леа была почти уверена, что обнаруженное существо вряд ли окажется травоядным созданием. Терзаемая волнением, стеснившим ее грудь, и одновременно любопытством, девушка сделала еще несколько аккуратных шажочков, и, наконец, обнаружила то, что так хотела и одновременно опасалась найти.

Она едва сдержала крик, когда взгляд ее уперся в раненого воина.

Совсем не это ожидала увидеть Леа. С правого плеча незнакомца тонкой струйкой стекала кровь, сам он полулежал на траве. На нем были темные одежды, на ногах – сапоги. Оружия поблизости с ним Леа не заметила. Она нахмурилась, пытаясь понять, жив ли раненый. И тут же получила ответ. Завидев девушку, воин, лицо которого скрывали слипшиеся, мокрые волосы, налепленные на него, прошептал глухо:

– Воды.

Этот шепот вывел девушку из некоего оцепенения, в котором та была эти мгновения. И хотя слова прозвучали еле слышно, Леа услышала в них приказ. Она резко дернулась и поспешила до ручья, что находился чуть подальше, возле сада с цветами. Заполнив глиняный кувшин с узким горлышком почти до края водой, Леа, оглянувшись по сторонам – дабы убедиться, что не была никем замечена, и, чуть сбавив ход, направилась к раненому воину. Пока девушка шла, в голове ее всплывали различные слова-напоминания, в большинстве своем упрекающие ее в том, что она делала. Этот чужак мог оказаться врагом, вором, насильником или убийцей, и Леа рисковала, намереваясь помочь ему.

Но она не могла поступить иначе. Ее душа требовала оказать помощь раненому. Она требовала столь громко, что заглушала все доводы разума, которые теперь казались слабым шепотом на фоне сильного намерения помочь. И в тот миг, когда Леа вновь приблизилась к незнакомцу, страхи покинули ее, уступая место твердой решимости.

Молодая девушка опустилась на колени перед воином, совершенно не обращая внимания на то, что подол ее платья сливочного оттенка испачкался об траву, которая тут же оставила на ткани зеленые пятна. Это не волновало Лею сейчас. Ей хотелось *помочь*. Она, было, собралась сама напоить раненого, но тот, чуть приподнявшись, с удивительной силой в руках, забрал у нее кувшин и с жадностью принял к его узкому горлышку.

Леа замерла, встревоженная тем, что почувствовала. Именно *почувствовала*. Ей стало страшно – по-настоящему, давно забытое чувство подступило к ней, перехватывая дыхание и вынуждая девушку замереть на месте.

Незнакомец не сводил с нее глаз, которые едва проглядывались сквозь спутанные, темные волосы. Леа громко сглотнула и нервно сжала вмиг поledenевшие ладони. Подняла руку, заправила за ухо выбившуюся, из косы, прядь волос. Опустила глаза вниз, разглядывая траву и ползающих по ней букашек.

Она хотела бы уйти.

Но не могла. Что-то не пускало ее.

Наконец, преодолевая свою робость и страх, Леа осмелилась поднять глаза на воина и произнесла сдавленным голосом:

– Вы ранены, позвольте я вам помогу.

Девушка ждала какой-то ответ. В конце концов, она ведь предложила помощь, и человек вежливый, нуждающейся в ней, непременно согласился бы и принял ее.

Но не этот незнакомец. Вместо слов, он всунул в пальцы Леи опустошенный кувшин. Девушка нервно вцепилась в него, испуганно глядя на раненого и силясь увидеть его лицо. Зачем ей это было нужно – увидеть лицо незнакомца – она и сама не знала.

Воин взмахнул рукой – и этот жест означал – «уходи». Леа с облегчением поднялась на ноги и медленно попятилась назад, глядя себе под ноги. Внезапно, тишину и щебет птичек, нарушило ржание коня. Молодая девушка испуганно подняла глаза на незнакомца, словно ища в нем ответ на свой вопрос. И снова взмах руки, и жест, означающий – «молчи».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Леа, спеша, вышла из укрытия и остановилась возле мирта, торопливо срывая с него мелкие, темно-зеленые листья и складывая их в корзину, оставленную здесь. Ржание коня усиливалось, послышался топот копыт и вот, наконец, показался всадник. Девушка обернулась, наблюдая за тем, как кузен приближается к ней. Он не стал спрыгивать с коня, а лишь произнес, окидывая Лею внимательным взглядом карих глаз:

– Леа, все в порядке? Твой отец прислал меня проверить тебя, говорят, есть вероятность того, что границы были нарушены, и неприятели могут быть и здесь.

Незаметно для молодого мужчины, девушка сжала сорванные листья чуть сильнее, отдавая им свое нервное напряжение. Затем, чуть улыбнувшись, девушка произнесла:

– Отец так говорит каждый раз, когда я ухожу от дома чуть дальше. Он думает, что я поступаю так, желая показать свой характер, но на самом деле, я тут лишь потому, что здесь растет мирт. И мне нужны его ароматные листья.

Всадник улыбнулся в ответ, скользя взглядом по листьям кустарника и вглядываясь вдаль. Он чуть нахмурился, размышляя, и Леа поспешила продолжить:

– Ты же знаешь, Джерго, что воины моего отца сильны, и не один враг не пройдет к нам. И в этом тоже твоя заслуга.

Кузен кивнул головой, принимая похвалу от сестры. Та, тем временем, подошла поближе к нему, окидывая брата лучистым взглядом.

– Довези меня, пожалуйста, до дома, – попросила Леа, и ее просьба не осталась не услышанной.

Сидя позади кузена, девушка размышляла над своим поступком – правильно ли она поступила, умолчав про раненого незнакомца. Вряд ли тот мог оказаться врагом, однако его могла постичь жестокая кара – Джерго имел садистские наклонности, и именно этого – издеательства над человеком – боялась Леа, и лишь это стало причиной того, что девушка сохранила при себе встречу с чужаком. Она не желала никому зла и считала себя ответственной за встречу с раненым незнакомцем.

Ее семья была сильной, мужчины – жестоки, отец, кузен, присягнувший на службу ему, каждый из них был обучен военному мастерству, был не раз в боях и являлся защитником родных земель. Леа была единственной ребенком, мать ее, подхватив простуду, умерла, когда ее дочери не было и года.

Фредек, отец Леи, не женился, и всю свою печаль он направил на укрепление границ своих земель. Мужчина так бы и сражался, не получи серьезное ранение в левое колено – оно было повреждено, и с тех пор Фредек начал сильно хромать, с годами становясь все медленнее и теряя свою хватку. Теперь, мужчина проводил почти все время в замке, изредка покидая его стены, ведь даже поездка верхом приносила ему физическую и моральную боль.

Леа тепло любила своего отца и была глубоко привязана к нему, считая его мудрым и справедливым человеком. Фредек обожал свою дочь столь сильно, что, порой призадумываясь – а сможет ли он когда-нибудь выдать ее замуж? Ей было уже семнадцать лет – возраст, почти граничивший с возрастом «старой девы» в их краях.

Когда Леа вернулась в замок вместе с Джерго, Фредек подозвал дочь к себе. Она поспешила к нему, не заставляя его ждать. Отец залюбовался дочерью – ее светлые волосы поблескивали, а выразительный ярко-синие глаза искрились дочерней нежностью.

– Отец, – улыбнулась Леа, целуя его в морщинистую щеку.

– Леа, – он улыбнулся в ответ, окидывая ее проницательным взглядом выцветших, когда-то тоже ярко-синих глаз. – Рассказывай, где была.

– Как обычно, я собирала листья мирта для благовоний, – девушка провела ладонью по лицу отца, убирая с него соринку.

– Моя милая дочка, ты заставляешь меня переживать о тебе. На границах стало неспокойно.

– Ты всегда так говоришь, – улыбнулась Леа, но тут же, встретилась со строгим взглядом Фредека.

– Теперь, все изменилось. Призраки подошли столь близко, что я вынужден запретить тебе покидать территорию замка.

– Призраки? – повторила Леа, бледнея.

Она слышала об этих призраках последние десять лет – и каждая история о них заставляла ее кровь леденеть от ужаса. Но девушка всегда думала, что эти существа далеко от их мира. Оказалось, она ошиблась.

Заметив испуганное выражение лица дочери, Фредек, похлопав ее по ладони, поспешил сменить тему разговора:

– Нашу границу они не перейдут. Успокойся, просто я хочу проявить осторожность. Я не успел сообщить тебе о приятной новости – Эрно прибудет сегодня вечером.

Тут же все страхи стали несущественными, а все переживания отошли на задний план. Леа чуть не захлопала в ладоши от радости – Эрно был тем, кого она любила. Фредек, конечно, заметил, как заблестели глаза дочери, и едва не сдержался, чтобы сказать что-то резкое. Затем, тяжело вздохнув, напомнил самому себе, что Леа не должна всю жизнь провести подле него. Эта мысль была справедливой, но достаточно болезненной для старого правителя.

Леа искупалась, после, ее служанки помогли расчесать густые, блестящие волосы и собрать их в замысловатую прическу – соединив две косы в узел на затылке и закрепив его гребнем с переливающимися камнями. Девушка выбрала новое платье – оно было из синего бархата, невероятно дорогое, даже для них, но сейчас оно как никогда подходило для сегодняшнего ужина. Леа к завершению образа надела на талию широкий серебряный пояс – тот выгодно подчеркнул женственную фигуру своей хозяйки. Взволнованная, она окинула критическим взглядом свое отражение – на нее смотрела юная, необычайно привлекательная девушка, на пухлых губах которой блуждала загадочная улыбка. Еще немного, и она вновь увидит его!!!

Сердечко Леи трепетало, когда она, спустившись по каменной лестнице, шагнула в зал. Ароматом различных блюд было наполнено помещение. Звучали веселые голоса и приглушенная, лиричная песня, раздающаяся под звуки лютни. Девушка, не обращая внимания на заинтересованные взгляды мужчин, прошагала до стола, за которым сидел ее отец, Джерго и он – Эрно. Как он похорошел! За эти шесть лун воин стал еще привлекательнее! Золотисто – каштановые волосы, аккуратно обрамляющие его лицо с выразительными чертами, мягко поблескивали в свете сотен свечей, размещенных на широкой люстре. В этот миг Леа мечтательно подумала, что для полной картины Эрно не хватает короны – он выглядел, как настоящий король. О таких людях девушка читала в старинных преданиях. Подумать только, одно из них словно воплотилось в жизнь.

Мужчины, кроме Фредека, поднялись на ноги. Леа с трепетом в груди разместилась на соседнем стуле от самого красивого мужчины, что был в этом зале. Девушке стоило немало усилий, дабы отвести от него взор. Но сердцу своему она приказать не могла – то радостно плясало в ее груди, разливая молодую, влюбленную кровь по венам Леи. Поглощенная радостью и волнением, девушка совершенно не слушала, о чем беседовали мужчины. Ей не терпелось поскорее закончить с ужином, чтобы обмолвиться хотя бы несколькими словами с Эрно. Она то и дело ощущала на себе его взгляд, и осознание того, что Эрно равнодушен к ней, окрыляло девушку.

Наконец, когда прислуга начала убирать со стола грязные тарелки, заменяя их чистыми – для десерта, Леа, не выдержав, покинула зал. Она, с надеждой в сердце, медленно пошла в сторону аркообразного коридора, подальше, там, где царила полутьма, освещенная мерцающим пламенем одинокого факела. Девушка, минуя стражу, прошагала до узкого окна и замерла, ожидая Эрно. Она засомневалась – придет ли он? Ей стало стыдно от того, что она позволила себе такую вольность. Стыд, обжигая грудь, заставил Лею развернуться и направиться к лестнице, однако на полпути к ней девушка столкнулась лицом к лицу с Эрно.

– Леа, – прошептал он, чуть обнимая ее за округлые плечи, – как же я рад видеть тебя.

Он, ухватив ее за ладонь, повел девушку обратно, в полутьму. Леа разволновалась, но это было сладкое волнение. Меж тем, Эрно встал у дальней стены, его красивое лицо было едва видно, но девушка залюбовалась тем малым, что могла сейчас разглядеть.

– Леа, я попрошу у твоего отца твоей руки, – торжественно, с жаром, сообщил молодой мужчина, и тут же его теплые губы накрыли губы Леи.

Девушка затрепетала в мужских объятиях – все же, это был ее первый поцелуй – легкий, словно касание крыльев бабочки. Леа широко распахнутыми глазами смотрела на лицо Эрно, силясь понять, что он испытывает сейчас, целуя ее. Но сделать это в окутавшей их полутьме оказалось невозможно.

Молодой мужчина чуть отстранился от девушки, ласково проводя ладонью по ее пылающей щеке.

– Моя прекрасная Леа, – прошептал он.

Девушка хотела было сказать, что она еще не его – до тех пор, пока не станет его женой, но, не желая портить волшебные мгновения, промолчала. Она, воодушевленная и раскрасневшаяся от нахлынувших чувств, попрощалась с Эрно и торопливо поднялась в свои покои. Пока она одолевала лестницу на дрожащих ногах, Леа ощущала взгляд на своей спине. Обернувшись, она встретилась глазами с Джерго. Мысль о том, что он мог стать свидетелем ее встречи с Эрно, заставила девушку еще больше покраснеть. Подобное легкомыслие не было свойственно ей. Она спешно скрылась в комнате. Пытаясь успокоить совесть, Леа напомнила себе, что Эрно – почти ее муж. Девушка была уверена, что отец даст согласие на этот брак.

Но, как оказалось позже, она ошиблась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Леа проснулась рано. Обычно любившая немного понежиться в мягкой постели, девушка в этот раз отказалась от этого удовольствия. Ей хотелось как можно скорее узнать, услышать из уст любимого отца о его благословении на брак с Эрно. Утренние процедуры – купание, прическа, одевание наряда – все это казалось слишком долгим и утомительным для Леи сегодня. Обычно привычно терпеливая, этим утром девушка едва сдерживалась, чтобы просто-напросто не убежать из заботливых рук своих служанок.

Она не узнавала себя, окрыленная, словно парящая, Леа, надев золотистое платье из парчи, поспешила к своему отцу. Сердце ее гулко стучало, в тон ее быстрым шагам. Не помня себя от волнения, девушка, миновав большой и малый зал, библиотеку и широкий коридор, оказалась, наконец, в комнате, где каждое свое утро проводил Фредек.

Леа, приоткрыв дверь, тут же заметила крупную фигуру отца – тот стоял возле прямоугольного, решетчатого окна, вид с которого выходил на зеленеющие луга и казавшийся отчего-то этим утром мрачным, многовековой лес. Но мрачен был не только лес. Сегодня Фредек не улыбался. Леа, будучи внимательной, тут же ощутила настроение своего отца. Он, конечно же, улыбнулся после своей дочери, приветствуя ее, но эту улыбку нельзя было назвать радостной.

– Отец? – сорвалось с губ девушки, и сама она поспешила к Фредеку, ощущая нарастающую в груди тревогу.

– Ко мне ранним утром заходил Эрно, – отстраненным голосом начал пожилой мужчина, окидывая дочь внимательным взглядом. Солнечный лучи заскользили по густым волосам Фредека, и будто только сейчас девушка заметила, как много седых прядей появилось на голове отца. Когда он успел так быстро постареть? Постареть. Это осознание отозвалось в сердце Леи неприятным, достаточно болезненным уколом. Она нерешительно застыла посреди комнаты, не зная, что сказать отцу. Однако у Фредека имелись слова для своей дочери.

– Этим утром, едва я поднялся с постели, я получил несколько новостей. Одна из них – Эрно просил твоей руки, Леа, но я был вынужден отказать ему.

– Отказать? – потрясенно выдохнула девушка. Горло ее сковало от боли – ведь Леа была уверена, что Фредек согласится на ее союз с одним из своих самых верных и, что немаловажно для отца, знатных людей.

– Ты верно все расслышала, Леа.

Фредек шагнул к ней, хмуря свои кустистые брови. Лицо его тут же избороздилось десятками морщин – некоторые из них были тонкими, словно паутина, другие – глубокие, подобно иссушенному руслу реки.

– Но почему? – прошептала девушка, непонимающе глядя на отца, блестящими, от подступивших к ним слез, глазами.

– Сейчас не время для свадьбы. Не время пировать. Время – оттеснить врага, – отозвался усталым, полным ответственности, голосом Фредек.

– Враги будут всегда, – с жаром отозвалась Леа, не сводя с отца пылающих глаз.

– Ты права, дочь. Все именно так, однако, что-то останавливает меня от того, чтобы я сейчас дал согласие на ваш брак, – мужчина задумчивым взглядом посмотрел в окно, размышляя.

– Почему ты сомневаешься во мне? – удивилась девушка, мягко хватаясь за плечо отца. – Ведь мне уже семнадцать, папа. И Эрно... Я еще никогда не испытывала таких чувств.

– Ты молода, Леа, – грустно улыбнулся Фредек, обнимая дочь и прижимая ее к груди.

Девушка запрокинула голову, глядя на столь дорогое и родное сердцу лицо отца.

– Но разве это плохо, что я молода, отец? И я... так давно хотела быть с Эрно – я думала о нем последние четыре года.

– Я вынужден сказать – нет, – твердо произнес Фредек.

Леа отстранилась от него, окидывая отца грустным взглядом.

– Папа! Пожалуйста! – попросила она.

– Нет, – не сводя с дочери строгого взгляда, ответил мужчина.

– За что ты со мной так? – Леа силилась не расплакаться, однако слезы уже, не слушая ее, потекли тонкими дорожками по нежным щекам девушки.

– Я люблю тебя и хочу сберечь, – Фредек говорил в этот раз мягко, не желая причинить боль дочери, но он опоздал – его предыдущие слова уже успели ранить ее.

– И поэтому ты решил запереть меня от всего мира и оставить подле себя? – тихо, потрясенно, спросила Леа, пятясь назад. Лишь упершись спиной в дубовую дверь, девушка остановилась. Широко распахнутыми глазами она смотрела на отца.

Ее слова задела Фредека – он мотнул головой, затем тяжело вздохнул, и только после ответил:

– В тебе говорит ребенок, ты не понимаешь, чем я руководствуюсь. Повторяю – сейчас не время для свадьбы. Ступай.

Леа порывисто отвернулась и почти выбежала из комнаты. Невыплаканная горечь душила ее, не позволяя дышать и мыслить. Девушка не стала возвращаться в свои покои, вместо этого она направилась во внутренний яблоневый сад – тот как раз зацвел, и все вокруг благоухало ароматом его цветков. Леа сбавила ход, и теперь уже медленно побрела меж деревьев, размышляя над своей участью. Она была всегда послушной дочерью, внимавшей каждому слову своего героя-отца. Леа не приносила Фредеку никаких проблем – не считая болезни в детстве, от которой чуть та не умерла. И это была единственная, осязаемая причина, заставившая тогда Фредека понервничать. Остальные годы Леа являлась образцовой дочерью – и в тайне ото всех девушка надеялась, что за свое прилежное поведение будет вознаграждена счастливым замужеством.

Но сегодня.

Сегодня отец, самый родной и близкий человек, собственноручно разбил ее мечты на мелкие осколки.

И это было действительно больно.

– Леа, – знакомый, мужской голос окликнул девушку, и та резко обернулась, встречаясь взглядом с золотисто-кариими глазами Эрно. Тот стоял на расстоянии в нескольких шагах от нее, и Леа несмело направилась к нему.

– Эрно, мой отец, – сдавленным голосом произнесла девушка, оказываясь в объятиях молодого мужчины и поднимая на него заплаканные глаза.

– Я знаю, милая Леа, – Эрно провел ладонью по светлым волосам красавицы, любуясь ее, пусть и печальным, но по-прежнему красивым лицом.

– Я не могу поверить, что он отказал, – всхлинула девушка, часто-часто моргая, дабы снова не обрушить поток слез.

– Не плачь, – отозвался молодой мужчина, – все это – временно. Фредек отказал лишь потому, что нам предстоит сразиться с призраками. Сейчас действительно не время для свадьбы. Когда они будут уничтожены, я уверен – твой отец даст согласие.

Молодой мужчина говорил спокойно, и слова его – полные уверенности, отогнали от сердца девушки грусть. Она подняла на Эрно лучистые глаза.

– Пусть будет так. Я желаю вам уничтожить врагов, каждого из этих призраков. А затем мы сыграем свадьбу.

– Да будет так, – улыбнулся Эрно, одаривая Лею нежным поцелуем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Войско из десяти сотен вооруженных до зубов воинов так и не добралось до замка правителя западных земель. Направленные на подмогу Фредеку, они попали в засаду в Темном лесу – том самом лесу, граничившему с севера с территорией, принадлежащей правителю. Эта весть, подобно темной туче, омрачила жителей замка, нависая над ними, предостерегая и одновременно обещая страшное будущее.

Хоть Лею и оберегали от подобных, жутких новостей, она все же узнала – благодаря болтливости прислуги. Те как раз помогали девушке нарядиться к завтраку, когда одна из служанок, с тревогой глядя в широко распахнутое окно, откуда виднелось зеленеющее поле, а за ним – верхушки вечнозеленых деревьев, произнесла сокрушенным голосом:

– Не знаю, как долго сохранится наш мир.

– О чем это ты? – чуть нахмутив брови, спросила Леа, позволяя другой служанке повязать на талию широкий пояс из круглых, золотистых пластин. В их роду пояс был показателем, и мог рассказать многое о своей хозяйке – например, еще незамужние девушки носили пояса только определенной формы, которые можно было украшать лишь некоторыми видами камней. Становясь замужней, женщина имела право на более широкий выбор украшения – и чем замысловатее и дороже был пояс, тем больше это подчеркивало высокий статус мужа. В своих мечтах Леа видела себя с шикарным поясом – да, да, именно такой подарит ей ее Эрно.

– О том, что за этим лесом пало тысяча воинов, которые так и не дошли до замка, – бесхитростно прошептала женщина, невидящим взором уставившись вдаль. Слова ее, полные затаенного ужаса, тот час отогнали мечты о замужестве от Леи.

Губы служанки побелели, когда она продолжила:

– Это все – призраки. Говорят, они убили за один короткий миг десять сотен мужей. Так же говорят, что совсем скоро они придут и сюда.

Служанка перевела на Лею глаза, в которых застыл страх. Девушка содрогнулась. Пытаясь успокоить и себя, и прислугу, она, широко улыбнувшись, произнесла максимально уверенным тоном:

– У нас есть защитники! Армия правителя сильна, а его военачальники – дальновидны и хитры. Я уверена – ни один из этих призраков даже не сможет приблизиться к границам. А что касается тех якобы погибших воинов, думаю, это ложная информация, дабы испугать всех нас.

Прислуга, сохраняя молчание, посмотрела на свою госпожу. Их лица выражали такую озабоченность, словно перед ними стояло душевно больная девушка. Это задело Лею, она, выпрямившись во весь свой довольно высокий рост, строго, пытаясь скопировать взгляд отца, сказала:

– Не смейте разводить панику! Это – всего лишь чьи-то уловки, чтобы ослабить нас.

Не дожидаясь ответа, Леа прошла мимо служанок, покидая свою комнату. Лишь скрывшись от прислуги, девушка могла чуть расслабиться – ее руки тут же затряслись, а тело окатило противной слабостью.

Ей было страшно.

Но она не имела права показывать свой страх.

Шумно, с жадностью вдохнув теплый воздух, доносившийся с открытых окон, Леа направилась к единственному человеку, который мог успокоить ее и дать ей силы.

Отец.

Но в этот раз Фредек не принял свою дочь. Окруженный своими военачальниками и воинами, среди которых были Эрно и Джерго, правитель был занят тяжелыми беседами, суть которых заключалась лишь в одном – как справиться с врагом. И в этом разговоре для Леи не было

места. Ей оставалось лишь молчаливо, терзаемой нехорошими мыслями, смотреть на плотно закрытые двери зала, за которым решалась судьба людей.

Сколько так Леа простояла – она не знала. Что-то тяжелое опустилось на голову, давя ее и не позволяя уже спокойно мыслить. То была тревога – беспощадная, отнимающая радость. В эти мгновения Леа почувствовала, словно это было озарение, словно кто-то шепнул ей, – случится страшное, непоправимое.

И когда из зала вышел Эрно и подошел к ней, твердым голосом успокаивая ее, говоря, что они знают, как убить призраков, это уже не могло успокоить девушку. Светловолосая красавица кивала головой, глядя доверчиво-печальными глазами в прекрасное, утонченное лицо мужчины, ловя каждое его слово, но внутри, там, где поговаривали, спрятана душа, Леа знала – миру не быть. На прощание воин увлек девушку к дальней стене и поцеловал – мягко, вкладывая в поцелуй обещание. Леа попрощалась с Эрно, едва сдерживая нахлынувшие слезы.

Такой ее и застал отец – одинокой, с покрасневшими глазами. Правитель подошел к дочери и обнял ее за напрягшиеся плечи.

– Все будет хорошо, Леа.

Слова Фредека – мудрые, с нотками теплоты – так же не возымели никакого действия на молодую красавицу. Тревога не освободила ее, пустив свои корни до самого сердца.

И это было самое ужасное чувство.

Она хотела было готовиться к свадьбе, однако пришлось подготовиться к войне...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Последующие дни потянулись один за другим, подобно жемчужинам в ожерелье – неумолимо, превращаясь в недели, а потом и месяцы. Наступило жаркое, сухое лето – дождей не было уже длительное время, и земля, утомленная жаром светила, стала вся потрескавшаяся и скудная для растений. Конечно же, из ближайшей реки воду использовали для полива посевов, однако вскоре и та обеднела, ощутимо опустившись. Все это приносило немало тревог для жителей замка, но еще больше – для его правителя.

Казалось, даже погода была в сговоре с врагами, истощая, медленно, но ощутимо, жителей. С границ, меж тем, то и дело приходили новости – и каждый раз противоречивые: то врага не было видно, и создавалось ощущение, что он и не думал приходить сюда, то, внезапно, присылалась весть о потерях.

За два месяца Эрно четырежды возвращался в замок. И каждый раз Леа мечтала о встрече с ним. Они почти не успевали пообщаться, лишь пара слов, прикосновение рук – и воин спешил к Фредеку. Но и этого было достаточно для Леи – она была счастлива, что Эрно был жив и невредим. Это было самое главное для ее влюбленного сердечка.

Прошлые страхи и тревога отступали днем, и молодая девушка забывала о них, занятая привычными ей делами – изготовлением благовоний, вышивкой или же чтением – в замке имела обширная библиотека, и Фредек поощрял чтение своей дочери, что она делала с небывалым рвением. Особенно Леа любила читать различные легенды – о доблестных рыцарях, справедливых королях и страшных драконах. Чтение отвлекало ее, вдохновляло и одновременно успокаивало. Но ночью. Ночью Леа не могла уснуть. Она лежала, уставившись в высокий, из светлого дерева, потолок, ощущая странные, непонятные чувства. Лишь ближе к рассвету девушка засыпала, но сон ее был продолжением бессонницы – беспокойный, изматывающий.

Наконец, когда первый месяц знойного лета миновал, с неба полил благословенный, столь долгожданный дождь. Он начался, едва солнечные лучи показались на сером небе, и продолжался более двое суток, поливая своей живительной влагой изнуренную землю, наполняя реку и колодцы...

Жители замка радовались, радовался и их правитель. Фредек, стоя у окна и глядя на потоки воды, изливающейся с неба, улыбался. Для полной радости оставалось только получить весть о победе над призраками. Правитель ждал этого, как никогда.

На третьи сутки от начала дождя войско Фредека вернулось в замок. Мокрые, утомленные, но необычайно довольные, они сообщили радостную новость – им удалось разбить отряд призраков, и за последние три недели их больше не было видно. Тогда воины во главе с Джерго двинулись с границ в соседний лес, углубляясь все дальше и дальше – но не обнаружили там следов врага. Не было ни одной зацепки, ничего, что бы напоминало о присутствии неприятеля. Призраки, коих осталось в живых очень мало, отступили – такой вывод сделали военачальники. Видимо, те четыреста воинов, убитых армией Джерго и Эрно, как раз и были основной силой призраков. Но теперь каждый из них был мертв. И уже не был причиной для страха. Армия Фредека вновь показала себя, проявившись сильной и неустрашимой. И тем днем, когда они вернулись в замок, на устах многих звучало лишь одно «мы победили».

Эта весть стала причиной большой радости для каждого жителя замка, и Леа не была исключением. Она тут же принялась приводить себя в порядок – хотя, для того чтобы выглядеть красивой, ей не нужно было наряжаться во что-то особенное: девушка была прекрасна внешне, и сама являлась украшением для любого, даже самого дорогого наряда.

Но ничто женское не было чуждо Леи. Поэтому, она попросила своих служанок помочь ей искупаться, сделать прическу и одеть изумительно красивое платье из серебристого шелка. Девушка терпеливо ждала, когда прислуга расчешет ей волосы – сто движений щеткой – для

блестящих локонов. Сегодня Леа хотела быть неотразимой. Быть может, именно сегодня отец, смягчившись, даст согласие на брак. А если нет... В голову влюбленной девушки даже закрадась мысль убежать вместе с Эрно – так сильно она хотела быть с ним.

Поблагодарив и отпустив служанок, Леа посмотрела в зеркало: с его гладкой, блестящей поверхности на нее смотрела прекрасная незнакомка: глаза девушки горели лихорадочным блеском, щеки заалели от волнения и предвкушения встречи. Светлые волосы, тщательно расчесанные, мерцающие мягким, лунным светом, нежным облаком лежали на округлых плечах Леи. Серебристая ткань платья бережно обнимало стройное тело девушки, но не столь сильно, чтобы становиться неприличным. Нет. Всего лишь еле уловимые изгибы женственной фигуры, о красоте которых можно было лишь догадываться, но не увидеть.

Леа вздохнула, поправляя широкий подол платья и всунула узкие стопы в серебристые туфельки, украшенные маленькими камушками на носках. Девушка покрутилась перед зеркалом, но уже не смотрела на себя. Она погрузилась в собственные мысли и чувства, пытаясь их уравновесить, однако это оказалось невозможным. Волнение было слишком сильно. И все что хотела Леа сейчас – обнять Эрно и заглянуть в его прекрасные глаза, чтобы успокоиться. А затем – что будет после, девушка сохранила в своем сердце, пока боясь озвучивать. Она очень надеялась, что отец сегодня будет более благосклонен к такому слову, как «свадьба».

В главном зале сегодня было особенно шумно и многолюдно. Свет тысячи свечей, водруженных на огромные люстры, подтянутые до потолка, озарял лица присутствующих. Веселые женщины, одетые нарядно – длинные платья, кто-то скромнее, кто-то не стесняясь, так, что верхняя часть груди была выставлена на всеобщее обозрение. Мужчины – смеющиеся, опьяненные победой и теплым приемом, скользящие голодными глазами по прекрасным дамам. Те хихикали в ответ, когда мужская рука как бы невзначай задевала их. Но каждый знал – это была не случайность, а намеренное прикосновение.

Леа замешкалась на пороге. Ей стало не по себе. Она содрогнулась, представив себя на месте одной из этих женщин. Что заставляло их вести себя подобным образом? И почему благородные воины отца проявлялись сейчас странно, словно неразумные существа? Возможно, девушка продолжила бы свои размышления и подобралась к ответу, не будь юной, оберегаемой отцом от таких вещей. К тому же, внимание Леи переключилось на Фредека – тот, сидя на возвышении, за отполированным столом, подозвал дочь к себе.

Молодая девушка, разглядывая отца и его соседей за столом, поспешила к Фредеку. С радостью в сердце, Леа села вновь рядом с Эрно. Тот одарил девушку теплой, полной ласки улыбкой. Его лицо – молодое, красивое, светилось нежностью по отношению к девушке. Золотисто-карие глаза скользнули по серебристому наряду Леи, а затем вновь посмотрели на лицо девушки. Губы Эрно дрогнули – в какой-то другой, чисто мужской, одобрительной улыбке.

От столь откровенного взгляда Леа почувствовала, как защипали ее щеки – стыдливость давала о себе знать, окрашивая кожу лица в румяный цвет. И в этот момент девушка была необычайно хороша и свежа, и красотой ее любовался не один Эрно.

И не один он желал ее...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слуги разносили аппетитную выпечку – прямоугольные пироги, наполненные начинкой на любой вкус: здесь была и рыба, и мясо, и ягоды, собранные этим летом. Кубки, украшенные драгоценными камнями, наполнялись элем, который пился жадно, словно это была некогда желанная, чистая вода. Впрочем, Леа предпочитала именно воду, считая вкус пьянящего напитка отвратительным. Как и прежде, девушка хотела бы поскорее покинуть праздничный ужин, страстно желая обмолвиться пару словечками с Эрно. И, судя по его блестящим глазам, то и дело смотрящим на Лею, он думал о том же.

Но Леа не могла себе сейчас позволить спешку. Быть может, отец совсем скоро озвучит столь долгожданное решение. Отчего-то девушке показалось, что сегодняшним вечером Фредек, облаченный в синий бархатный камзол и торжественный плащ винного оттенка, благосклонно смотрит и на нее, и на Эрно. Поэтому, стоило запастись терпением, чтобы услышать благословение отца. Она так жаждала этого, что готова была подождать.

Заиграла веселая музыка – не та, под которую менестрели рассказывают нараспев истории, цепляющие сердца, особенно сердца прекрасных дам, а совсем другая музыка – под которую так хотелось танцевать. Леа с улыбкой наблюдала, как многие женщины, приглашенные воинами, пустились в пляс. Девушке тоже хотелось бы закружиться в ритме танца. И, словно услышав ее мысли, Эрно, встав из-за стола, с улыбкой на дружелюбном лице, протянул Леи свою ладонь.

Девушка, не веря своему счастью, приняла его приглашение. Как только ее спутник вывел в центр зала и начал кружить под веселую мелодию, Леа ощутила себя так, словно ее одарили. Она, счастливо улыбаясь, не сводя сверкающих глаз с Эрно, то приближалась к нему, то отворачивалась, то попадала в его бережные объятия. И так – снова и снова, до одурманивающего головокружения. Десятки глаз наблюдали за красивой парой, и еще больше – именно за влюбленной красавицей.

Когда Леа в очередной раз попала в объятия Эрно, тот, чуть склонив свою голову к ее уху, прошептал с жаром:

– Ты будешь моей, Леа.

Эти слова вызвали два противоречивых чувства в груди девушки: сладкое волнение и ледяной стыд. Она подняла на мужчину глаза, в которых застыл немой вопрос. Эрно залюбовался красавицей: ее нежной кожей, невероятно чувственным ртом, так и призывающим его к поцелую.

– Даже если отец твой не даст согласия, я знаю, как нам быть. Мы убежим, – продолжил мужчина, поднимая руку и позволяя девушке прокрутиться в танце.

Их ход мыслей был столь похожим, что Леа еще больше устыдилась себя. Казалось бы, Эрно предлагал ей все то, что она так хотела. Но что-то, сдавливающее в груди, мешало девушке радоваться. Быть может, осознание того, что она не сможет поступить вот так: взять и бросить отца. Если ранее эта мысль казалось вполне реальной, то теперь, когда эта идея была не просто плодом ее воображения, а могла вот-вот воплотиться в жизнь, она пугала Лею.

– Но я надеюсь на благосклонность твоего отца, – шепнул Эрно в висок Леи, почти целуя ее. Она задрожала – смущаясь и радуясь вниманию мужчины. Тот заметил это и широко улыбнулся, чуть отталкивая, как и подобало в этом танце, а потом притягивая девушку к себе. В этот момент, глядя в синие глаза красавицы, Эрно уверенно заявил:

– Призраки мертвы, и теперь нет причин отказать нам в свадьбе.

Его тон на миг показался Леи жестким, но она тут же отогнала от себя это замечание, стоило только Эрно поцеловать ее руку – на прощание – танец был завершен. С пылающим сердцем, так и не дождавшись решения Фредека, Леа, сдерживая разочарование, поднялась

в свою комнату. И хотя праздник был в полном разгаре, и веселье только начиналось, девушка ощутила страстное желание побыть одной.

Распустив волосы, Леа начала медленно водить по ним щеткой. В голове девушки снова и снова прокручивалась встреча с Эрно: взгляд его золотисто-карих глаз, прикосновение теплых губ к руке и слова...

Что, если Фредек откажет снова? Сможет ли она, Леа, оставить отчий дом, бросить родителей, и навсегда покинуть родные земли? Сможет ли Эрно быть достойным мужем?

Девушка удивилась себе – по какой причине она засомневалась в славном Эрно, человеке, которые за шесть лет их знакомства ни разу не проявился, как недостойный мужчина? Но, что она видела? Леа видела его лишь при дворе, видела на территории замка. И более – нигде. Неизвестно, как повел бы себя мужчина, будь она простой девушкой, а не дочерью правителя...

Этот ход мыслей совсем озадачил Лею. Она разозлилась на саму себя, и швырнула на столик щетку для волос. «Господи, какая же я трусиха», – сокрушенно размышляла девушка, подходя к аркообразному, решетчатому окну, за которым чернела ночь. Внезапно, небо осветила изрезанная полоса вспышки, а после раздался раскат грома. Леа было отошла от окна, напуганная, но тут же услышала очередной звук: что-то стукнулось в ее окно, и при очередной вспышке молнии, девушка отчетливо увидела силуэт крупного ворона.

С губ Леи сорвался испуганный крик, она попятилась, чувствуя подступающий к горлу тошнотворный страх. Птица еще несколько раз постучала в окно своим мощным клювом, а затем улетела. Девушка с ужасом продолжала смотреть туда, где мгновения назад был крылатый хищник. Меж тем, гроза усиливалась, и молнии – яркие, частые, зловеще изрезали небо.

Страшное, парализующее предчувствие посетило Лею. И как бы она не пыталась себя успокоить, что все это – совпадение, ненастье и ее впечатлительная натура, нутром девушка чувствовала: грядет неизбежное.

И она не ошиблась. Возникшую тишину нарушил жуткий вопль...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Леа ринулась к выходу, намереваясь побежать на источник звука. Но лишь только пальцы ее обхватили блестящую, прохладную ручку двери, как здравый смысл подсказал, что это – крайне опрометчивое решение. Девушка, испуганно озираясь по сторонам, попятилась назад и прижалась спиной к гобелену, висевшему у противоположной от выхода, стены.

Пытаясь успокоиться, Леа прикрыла глаза, и тут же услышала крики – леденящие души. Им вторило завывание – то ли ветра, то ли дикого зверя – хотя, быть может, все смешалось. Очередная вспышка молнии осветила комнату зловещим светом. Взгляд девушки упал на прикроватный, лакированный столик. На негнущихся ногах, ожидая, что в любой миг в комнату могут ворваться, Леа прошагала до столика, и открыла стоящую на нем шкатулку, украшенную снаружи блестящими ракушками. Среди украшений девушка отыскала то, что имело сейчас значение – кинжал – узкий, достаточной длинный, чтобы воткнуть его поглубже во врага. Украшенная сапфиром рукоять клинка красиво поблескивала во вспышках молнии.

Леа протянула руку, обхватывая дрожащими пальцами кинжал. Не могла она и думать, что доживет до тех дней, что этот клинок, некогда служившим просто украшением, понадобится ей теперь для того, чтобы защищаться. Но это случилось. Девушка обреченно стиснула рукоять кинжала, забирая его с собой и пряча в складках платья холодное оружие.

Ждать, когда за тобой придут, быть в неведении, умирая от ужаса – это было слишком мучительным для Леи. Преодолевая собственный страх, трепеща всем телом, девушка, все же, покинула свою комнату. Она шла к тому, кто мог защитить ее.

Отец.

Прижимаясь к каменной стене, содрогаясь от кажущихся воображению Леи чудовище – теней, девушка кралась по направлению к узкой, мало кому известной лестнице. Каждый шаг в ее сторону отзывался мучительно громким ударом сердца в груди. Девушка вся напряглась, пытаясь услышать новые звуки. Но теперь ничего – кроме завывания ветра и раскатов грома не было слышно ей.

Голову Леи посетила мысль – быть может, ей просто показалось? Быть может, крик, что раздавался снизу – это просто ссора двух подравшихся воинов отца? Быть может, они перепили эля и поссорились из-за одной прекрасной дамы. «Пусть будет так» – стучало в голове девушки. Пусть просто показалось.

Это крошечное семя надежды придало сил Леи и чуть расслабило ее. Она уже представляла себя – в объятиях своего отца, слышала свой смех – смех, вызванный облегчением. Фредек потреплет ее по волосам и с нежным укором скажет: «какая ты, Леа, все же глупая». И девушка не обидится на его слова. Пусть лучше она будет глупой, чем...

Она не стала даже доводить мысль до конца, боясь, что сделав это, придаст силы им.

Миновав лестницу, Леа завернула в коридор. Девушка прислушалась – но не услышала ничего такого, что говорило о чем-то страшном. Она еще некоторое время постояла, вглядываясь в царившую полутьму, затем выступила впереди и безошибочно нашла дверь в комнату отца.

Леа, слишком торопившаяся увидеть Фредека, даже не придавала значению тому, что рядом с покоями правителя не было привычной охраны. Мягко толкнув дверь и обнаружив ее незапертой, девушка ступила в комнату. Она сразу заметила фигуру отца – склоненную неестественно низко над столом.

Что-то в груди Леи дрогнуло. На ногах, которые вмиг отяжелели, словно к ним привязали невидимые грузы, девушка шла к неизбежному. Она уже догадывалась, что предстанет ее глазам. Но отступать, убежать не могла. С затаившимся дыханием, Леа подошла к отцу, обошла

его поникшую фигуру и встретила с жестокой правдой. Грудь отца, прямо в середине, была проткнута одним из его мечей.

Фредек был мертв.

Не веря своим глазам, Леа смотрела на его свисающее вниз лицо, покрытое мертвенной бледностью. Губы Фредека были плотно сжаты, видимо, даже умирая, он проявил свою сдержанность. Девушка подошла к отцу и ласково провела ладонью по его, местами, седым волосам. Она задрожала всем телом, глядя на кровавое пятно на груди родителя и одновременно лихорадочно размышляя – что стало причиной смерти Фредека – неужели самоубийство? Похоже, что да, все выглядело так, словно он бросился на свой меч. Но почему?!

– Отец, – прошептала Леа сокрушенно, ощущая, словно ее только что сбросили вниз, с огромной скалы. И темная бездна вот-вот готова была поглотить ее.

– Отец, – повторила девушка, одаривая Фредека прощальным взглядом.

Она не хотела покидать его, но понимала – это было нужно сделать. Нужно было кого-то позвать, сообщить о смерти правителя. И именно ей – его единственной дочери – предстояло сказать об этом людям.

Задрожав всем телом, Леа, не видя и уже не слыша никого и ничего, поспешила вниз. Окутанная болью потери и оглушенная страхом, девушка не сразу заметила, как все изменилось в замке. Лишь оказавшись на середине лестницы, Леа поняла: она не ошиблась. В замок пришли враги.

Первое, что услышала девушка – лязганье мечей. Звук сталкивающейся стали был ужасающе громким. Им вторили стоны – умирающих воинов. И даже не видя, кто их издает, Леа чувствовала – это умирают мужчины замка, но никак не неприятели. Застыв на последних ступенях, девушка не знала, как ей поступить. Казалось, инстинкт самосохранения покинул ее, всякое желание спастись испарилось, как только Леа поняла, что их замок захватили.

Она знала, что умрет. Того, кто ее защитил бы, уже не было в живых, к тому же, было понятно, что враги не пощадят никого. Оставалось только скорее решиться – шагнуть в смертельные объятия врага. Как долго она будет умирать? Будут ли ее мучить, прежде чем убьют? Леа сдержала рвотные позывы, вызванные подкатившим страхом. Она полуобернулась, глядя на верхние ступени, решая, может, все же, спрятаться. Но тут же осознание, что все это – тщетно, и ее в любом случае найдут, подтолкнуло девушку вперед, и она шагнула в зал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

То, что предстало увидеть Лее, повергло ее в парализующий ужас. Торжественный зал, в котором совсем недавно царили веселье и беззаботность, превратился в могилу для поверженных воинов. Опрокинутые столы, сваленная на пол еда, разлитый эль, делающий пол скользким. Или это не эль? Леа подняла руку к лицу, зажимая ладонью рот. Это не был эль. Пол был залит кровью убитых.

Взгляд девушки – от пола, поднялся выше и остановился на чудовищах. Существа с черными лицами, телами и волосами буквально разрубали защитников замков. Мечи врагов – такие же черные, как их хозяева, беспощадно обрушались на воинов, отнимая у них жизни. Снова и снова – раз за разом, эти чудовища методично расправлялись с теми, кто прежде носил название «доблестная армия Фредека».

Взгляд Леи переместился на лицо знакомого воина, он бился с соперником, проявляя всю свою силу. Девушка узнала его без труда – это был Джерго. Сердце ее дрогнуло – сейчас она была особенно рада, что кузен был жив. Но где же Эрно? Мысль о нем – и Леа испуганным взором заскользила по телам убитых в отчаянной попытке отыскать его. Но сделать этого не получилось – многие из воинов были просто изуродованы.

От этой картины девушка поняла, что сходит сума. Никогда в жизни она не видела столько смертей. Отец всегда оберегал ее, и сейчас Леа впервые столкнулась с реальной жестокостью. Она попятилась назад, и тут же чьи-то руки увлекли ее, уводя в кухню.

Как оказалось, это были служанки Леи. Они спешно закрыли дверь на ключ и отвели девушку к дальней стене.

– Скорее, скорее, – запричитала одна из служанок, хватая котелок и соскабливая с него сажу.

– Что ты собралась делать? – спросила Леа, тут же вздрагивая от пронзительного, пропитанного болью, крика за дверями.

– Защитить вас от бесчестия, – с жаром отозвалась служанка, и тут же, впервые не спрашивая разрешения, начала натирать лицо госпожи сажей, превращая прозрачно-фарфоровую кожу в нечто грязное и непривлекательное. Другая прислуга начала делать тоже самое с чудесными волосами Леи, торопливыми движениями частично изменяя их цвет. Затем прислуга принялась за обнаженную шею и ладони госпожи.

Леа смотрела на их действия обреченным взглядом. Будто чувствуя ее настрой, одна служанка, подняв голову на госпожу, торжественно прошептала:

– Так вас просто убьют, но не изнасилуют, – она опустила глаза, – очень надеюсь, что просто убьют.

– Спасибо вам, – искренне, тронутая заботой прислуги, выдохнула девушка, прикрывая на миг глаза, чтобы не расплакаться. Ей было жаль своих служанок, ей было жаль каждого воина, павшего от рук врага.

«Наш конец будет печальным», – простучало нежное сердечко Леи.

В деревянную дверь ударили – один раз, а на второй она уже с предостерегающим скрежетом слетела с петель, падая в нескольких шагах от напуганных женщин.

– Призраки, – испуганно раздалось рядом с головой Леи.

Девушка, большими глазами от ужаса смотрела на приближающихся черных воинов. Они за пару мгновений, хватая грубо за плечи, вытолкали – выкинули женщин из кухни, прямо в зал. Леа закашлялась: воздух был наполнен дымом – с дальней стороны помещения жадное пламя огня поглощало некогда прекрасный гобелен, запечатлевший день славной победы Фредека над врагами. Теперь же, языки пожара поглотили и гобелен, и перекинулись на стены.

Кто-то грубо, ощутимо больно толкнул Лею вперед, и ей пришлось шагнуть в сторону женщин. Все они – обитательницы замка – знатные дамы и прислуга, перемешавшись меж собой, имели теперь одно лицо – лицо ужаса и отчаяния. И Леа примкнула к ним.

Громкие, гортанные голоса на незнакомом языке погнали женщин, словно неразумный скот наружу. Небо, изрезанное фиолетовыми молниями, было похоже на черную, бездонную пропасть. Дождя не было, но его запах уже улавливался в пропитанном скорбью воздухе. Громкий окрик заставил женщин, в том числе и Лею, пошевелиться и направиться к дальним стенам замка. Тут же грубые, быстрые руки, начали отделять женщин друг от друга.

Тех, что был помоложе, и приятен лицом и телом, собирали слева, других – в возрасте, с какими-то изъянами, чуть ли не швыряли направо. Среди последних была и Леа. Она догадывалась, что ей будет уготовано в лучшем случае – роль прислуги, хотя никто не говорил, что их не убьют. Судьба тех, кого отобрали на левую сторону, вероятно, была в том, чтобы быть рабыней победителей. Дочь Фредека нервно сглотнула – она не хотела быть на их месте. Лучше – смерть.

Пленниц погнали вперед, прямоком через главные, распахнутые настежь ворота. Тут и там валялись убитые дозорные и охрана. Леа сжала кулаки, чувствуя себя бессильной. Она запрокинула голову наверх, глядя горящим взором в зловещее небо.

– За что? – прошептала девушка.

Но Леа не получила ответ.

Меж тем, воины продолжали погонять женщин, выкрикивая им вслед, возможно, бранные слова. Враги гортанно смеялись, отпуская шуточки, выбирая себе лакомый кусочек среди несчастных пленниц. Тем только оставалось теряться в догадках, куда же именно их ведут.

Усталые, смертельно напуганные, обитательницы замка, словно отара овечек, шла прямо в пасть волков...

Сколько они так шли – Леа не знала, для нее эта ночь превратилась в вечность. Наконец, громкий окрик одного из чудовища заставил женщин остановиться – и глазам несчастных предстало несколько кораблей. Это были узкие, вытянутые корабли с черными парусами. Разместившиеся поблизости с берегом, они ждали своих хозяев. Дочь Фредека обреченно смотрела на то, как порывистый ветер начал трепать раскрывающиеся зловещие, как и небо над ними, паруса.

Тут же враги стали связывать руки пленниц, связанных мигом, под улюлюканье и гогот отправляли, перекидывая друг другу, на палубу корабля. Когда очередь дошла до Леи, то девушка едва не заплакала от боли в запястьях – так сильно веревка врезалась в ее нежную кожу. Она сомкнула веки, позволяя себя перенести на корабль. Всего пара мгновений – и чужие руки швырнула Лею на палубу. Девушка больно ударилась спиной, но снова сдержала рвущийся наружу крик.

Леа осмотрелась – рядом с ней были все те женщины – в возрасте, непривлекательные. Красавиц отправили на другом корабле.

– Нас принесут в жертву, – зашептала, качаясь из стороны в сторону, одна из пленниц. Невидящим взором она смотрела прямо перед собой, и выглядела так, будто лишилась рассудка. И Леа понимала ее – после всего, что случилось этой страшной ночью, немудрено было сойти сума. Девушка обняла себя за плечи, глядя на свое, порванное в подоле, платье, сквозь разодранную ткань виднелись стройные ноги Леи, одетые в шелковые чулки. Она быстро спрятала их, подогнув под себя.

Тем временем, незаметно для женщин, корабль отправился в путь. Раскачиваясь на волнах реки, он направлялся все дальше и дальше. Что-то яркое осветило лицо Леи. Она подняла глаза и увидела – родной замок пожирал огонь...

Крик отчаяния и горечи застыл в горле дочери Фредека. Она спрятала лицо в дрожащих ладонях, из последних сил сдерживая свои слезы. Сидящие рядом женщины зарыдали столь

громко, что их плач стал похожим на завывание волчиц. Видимо, это не понравилось врагам. Один из них прикрикнул на пленниц, и те мигом умолкли, опасаясь кары от призрака.

Леа вся сжалась в комок. Она закрыла глаза, не желая видеть сновавших по кораблю чудовищ. Высокие, мускулистые, все черные, с развивающимися темными волосами, они выглядели, как стражники с ада. Их язык – грубый, совсем немелодичный, резал слух, и был похож на рычание бешеного зверя.

Они плыли всю ночь. Все это время пленницы, прижавшись друг другу, так и сидели на палубе корабля. Холодный воздух был неласков с ними, и если бы не соседство сестер по несчастью, каждая по отдельности наверняка бы замерзла. Памятуя грозный крик, женщины сохраняли молчание, единственное, что они могли себе позволить – ласковый, понимающий взгляд своей соседке.

Наконец, корабль стал замедлять ход. Утренние лучи прошлись по небу, окутанному свинцовыми тучами. Первые капли несмело забарабанили по деревянной поверхности палубы. И снова женщин, словно мешки, стали перебрасывать воины. Оказавшись на земле, Леа тут же покачнулась и рухнула на колени. Кто-то сзади схватил ее за шиворот, рывком поднимая. Девушка испугалась силе одного из врагов. Она зависла в воздухе, как котенок, смешно болтая ноющими от боли, ногами. Туфельки – те самые, с камушками на носках, слетели со стоп Леи, приземлившись на мягкую траву. Девушка хотела бы оказаться рядом с ними, но безжалостная рука не отпускала ее.

Наконец, Лею поставили на ноги. Девушка вся зажмурилась, когда только что державший ее воин-призрак подошел к ней вплотную, рассматривая ее. Леа ощущала на своем лице его тяжелый, сверлящий взгляд. Она сильнее сомкнула веки так, что стало больно глазам.

«Только не смотреть на него» – стучало в голове девушки. Она задрожала, когда тяжелая рука легла ей на плечо и сжала его – сильно, больно.

Внезапно, небо, наконец, расщедрилось на дождь. Тучи начали изливать стремительные капли воды, смывая с людей пыль, усталость, кровь.

Воин встряхнул Лею за плечо, и та, застонав от боли, приоткрыла глаза, встречаясь взглядом с чудовищем.

Она никогда в жизни не видела таких странных глаз. Янтарные, словно светящиеся изнутри, они, казалось, прожигали Лею насквозь. Проливающийся сверху дождь начал неумолимо смывать с воина-призрака черную краску. Но и эта же вода делала тоже самое с сажей, что была на Лее.

Воин демонстративно, очень медленно, провел мозолистой подушечкой пальца по левой щеке девушки. Затем, резко вцепился в волосы Леи, обнаруживая, как под его ладонями они, мокрые от дождя, стали менять цвет.

Небо предало ее. Враг понял, кто стоял перед ним...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лицо стоявшего напротив Леи воина исказилось от улыбки – зловещей, разоблачительной. Его губы – резко очерченные, словно у мраморной статуи, что-то произнесли, на неведомом для девушки языке. Затем, внезапно, чудовище, с лица, волос и тела которого стала стекать черная краска, рассмеялось – грубо, приглушенно. Он потянул Лею за мокрые, посветлевшие волосы, запрокидывая ее голову так, чтобы лицо девушки обратилось к нему. Она тот час, вновь прикрыла глаза, напуганная, ошеломленная и уязвленная. Леа сильнее сжала веки, вся напрягаясь, когда ладонь врага спустилась с волос на ее лицо, вцепляясь в щеку. Он сжал ее своими пальцами сильнее, и девушке пришлось вновь посмотреть на своего мучителя.

Янтарные глаза смотрели бесстыдно, оценивающе. Стоящий напротив враг, видимо, решал – стоит ли пленница того, чтобы обратить на нее внимание. Краска, что стекала с него грязными потоками, обнажила лицо призрака.

Леа нервно сглотнула, впившись взглядом в воина. Ее испуганным глазам предстало лицо со смуглой кожей, густой, черной бородой, которая была распределена на две косички. Но даже они выглядели крайне мужественно на враге. Прямой, чуть заостренный нос – словно у хищной птицы, но не крючковатый. Темные, широкие брови нависали над пронзительными, янтарного оттенка глазами. Черные волосы, мокрые, блестящие, доходили почти до плеч мужчины, облепляя его мускулистую шею. Он выглядел диким, устрашающим и жестоким.

Внезапно, молчаливое знакомство закончилось – кто-то окликнул воина, и тот, резко отпустив Лею, да так, что она с трудом устояла, оставил ее, направляясь к группе других призраков. Девушка смотрела вслед уходящему врагу – он был высок, с ярко обозначенными, широкими плечами и достаточно узкой талией. Темная кольчуга идеально сидела на нем, подчеркивая совершенное тело воина – сильное, выносливое. Его ноги – длинные, мускулистые, передвигались очень быстро, но в тоже время мягко – и Леа невольно удивилась, как при таком росте можно было столь грациозно двигаться.

Стоящие рядом женщины окинули Лею осуждающе – обреченным взглядом и демонстративно отодвинулись от нее, перешептываясь меж собой. Она непонимающе посмотрела на своих сестер по несчастью, молчаливо вопрошая – «за что»? Но ответа не последовало – вместо него к пленницам подошло трое воинов – тоже высоких, крепких. Но теперь, с частично смытой краской, они не выглядели, как выходцы из преисподни. Они были людьми, но оставались врагами.

Леа вся сжалась, когда воины начали беседовать о чем-то. Их язык – грубый, гортанный, звучал не музыкой, а рычаньем, и непонятно было – ругаются ли они, или же мирно беседуют. Меж тем, дождь усиливался, превращаясь в полноценный ливень. Леа задрожала – усталость, страх и прохладный утренний воздух сделали свое дело. Мысль о том, что им еще предстояло идти куда-то вот так, под потоками воды, показалась девушке ужасающей. Вряд ли она осилит этот путь. Упадет где-нибудь по дороге, и просто-напросто захлебнется в луже: Леа не ощущала ни физических, ни духовных сил, чтобы бороться.

Но в этот раз опасения ее не осуществились. Послышалось ржание лошадей, и вот уже из-за поворота на лесную тропу выехало несколько телег. Как оказалось, они были предназначены для пленниц. Под крики мужчин несчастные взобрались на них, обреченно глядя на корабли, что стояли у берега. Не было им пути назад. Вся их прежняя жизнь сгорела – вместе с замком этой страшной ночью.

Леа забилась в самый угол. Спина тут же заболела, напоминая о ночном падении девушки. Боль была такая сильная, что Леа едва не плакала. Она, обхватив колени руками, с горечью смотрела на свои стопы – ее красивые туфельки так и остались валяться в траве.

Отчего-то это стало последней каплей, добившей Лею. Девушка уткнулась лицом в свои холодные ладони, плача. У нее больше не было сил сдерживаться.

Утро было наполнено туманом, прохладой и печалью. Леа, откинув голову, невидящим взором смотрела на пейзажи, открывающиеся ее глазам – лесная тропа сменилась холмами, а после – лугами, поросшими ромашками. За ними показался мост – узкий, высеченный из скалы, он расположился над рвом, заполненным темной водой.

Грубое, лишенное всякого изящества и красоты, каменное строение, именуемое замком, мрачно выглядывало из густого тумана. Высокие, крепостные стены, обступившие его со всех сторон, были такого же цвета. На них – на определенном расстоянии, стояли дозорные. Тут же один из них подал сигнал, и огромные ворота-великаны с глухим шумом отворились, впуская воинов и пленниц внутрь.

Внутри было мрачно и тихо. Жил ли здесь кто-нибудь? Или это была обитель мертвых? Леа поежилась от подобных мыслей. Она зашептала молитву, не выученную наизусть, нет, это были просто слова – обращение к Богу. Девушка так нуждалась в Его поддержке. Как жаль, что о Нем она вспоминала не так часто, а самую искреннюю мольбу произнесла лишь теперь, лишенная всех благ и всего того, что так любила. Размышляя над этим, Леа устыдилась себя. Она тяжело вздохнула, ощущая скованность в груди.

Тем временем, телеги продолжали двигаться через территорию замка, и вскоре, миновав его мощные улочки, выехали на тропу, с обеих сторон от которой расположились зеленеющие луга. А затем, показались домики – одноэтажные, с соломенной крышей на них. Вокруг них расположился невысокий забор. Наконец, телеги остановились. Пленниц тут же стали доставать оттуда – словно мешки, по – прежнему грубо, резко. И ту же, следом, женщинам начали перерезать веревки на запястьях. Леа не сдержала облегченного вздоха, когда ее руки, наконец, освободились. Кожа под веревками сильно покраснела и болела, выглядя некрасиво, но это сейчас мало волновало девушку.

Один из воинов что-то крикнул, да так громко, что Лее показалось, что она оглохла. На его крик из одного из домиков вышла высокая, крупная женщина. Ее седые волосы, заплетенные в две тугие косы, были прикрыты чем-то наподобие платка – он был закреплен сверху костяными заколками. Окинув пленниц внимательным взглядом серых глаз, женщина на ломаном, но все же, знакомом языке, произнесла:

– Я – Бренда. Вас пощадили, и не убили. Теперь каждая из вас будет служить нашему народу. Отныне, ваша работа будет в том, чтобы шить вещи и чинить их. Если вы будете делать это на совесть, то не останетесь без крова и хлеба, если же вздумаете бунтовать, то вас уже не пощадят. Вам понятно?

Пленницы кивнули головами, со страхом и интересом глядя на Бренду. Та, кивнув им в ответ, указала рукой в сторону домов.

– Размещайтесь. Отныне, вы всего лишь слуги.

Леа задрожала, услышав эти слова. Все же, она была дочерью Фредека, правителя. Ей было непросто принять изменения, однако здравый смысл победил – быть прислугой, все же, значительно лучше, чем рабыней одной из этих чудовищ. Тут же, в памяти Леи всплыло лицо того воина, она будто снова ощутила его грубые прикосновения. Под ложечкой тот час засосало от страха. Девушка сжала кулаки – ну уж нет! Прислуга – так прислуга, она с честью примет свою судьбу!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Леа потеряла уставшие глаза – маленькая лампадка, что стояла на широком столе, скудно освещала рубаху, которую девушка зашивала. Царившая кругом полутьма, желание спать – и вот уже пальцы Леи, некогда ловкие, но не этим поздним вечером, уже несколько раз поранились об иглу. Девушка, сделав последний стежок, убрала швейные принадлежности в незатейливую шкатулку. Затем медленно опустилась на узкую кровать, размещенную возле дальней от стола стены. Прямо напротив на стене находилось небольшое окно. Ласковый ветерок колыхал полупрозрачные занавеси, донося до Леи аромат цветов, свежескошенной травы и недавно испеченного хлеба.

Желудок девушки болезненно сжался – нет, она была неголодна, и поела достаточно – чечевичную похлебку. Но, привычная к более изысканной пищи, даже к тому же пшеничному хлебу, Леа испытывала некое желание вновь поесть его. Она грустно улыбнулась своему ходу мыслей – об этом ли стоит думать? Она жива, не изнасилована – и – слава Богу.

Уставшая, девушка снова прокрутила в голове события уходящего дня – их приезд в замок, знакомство с Брендой, купание в чане с водой, переодевание в платье из грубой, гречишного оттенка, ткани. После – обед, а затем работа до самого вечера, ужин и снова работа.

Бренда обладала спокойствием довольной жизнью медведицы. Все приказы-просьбы она раздавала четко, без каких-либо эмоций, относясь к прибывшим тридцати пленницам ровно, не выделяя никого из них. Высокая, крупная, Бренда, подобно скале, возвышалась над женщинами, когда те уселись за столы, дабы приступить к работе. Она молчаливо наблюдала за их действиями, но если что-то не нравилось ей, возвещала об этом довольно грубым голосом.

Леа каждый раз вздрагивала, стоило Бренде что-либо сказать. Она не привыкла, чтобы женщины так говорили, и приспособливаться к этому оказалось не столь просто. К тому же, девушке казалось, что если разозлить Бренду, та сможет и ударить. Но пока женщина лишь громогласно командовала – и каждая пленница сразу же, слушалась ее, стараясь выполнить то, что говорила великанша. Именно так ее мысленно прозвала Леа за высокий рост и крупную фигуру.

Девушка устало закрыла глаза, положив под щеку руку. Стоило ей только сомкнуть веки, как другие воспоминания – об отце, жестоко сжали ее нежное сердечко. Леа всхлипнула, сдерживая рвущиеся наружу рыдания. Она шепотом помолилась, прося Создателя облегчения для себя и покоя для Фредека. Затем, перевернувшись на спину и уставившись в открытое окно, пообещала себе приспособиться к жизни с врагами. До поры до времени. В груди Леи теплилась надежда, что за ней придут – Джерго или Эрно. Если только они уцелели в той бойне...

Дни потянулись друг за другом, и Леа стала по – тихоньку привыкать к жизни во вражеском замке. Нет, девушка по-прежнему побаивалась великаншу, но теперь знала, что та не склонна к насилию и неоправданной жестокости. Бренда была все так же громогласна, но еще и заботлива – она тщательным образом следила, чтобы каждая из пленниц была накормлена. Если вдруг возникали какие-то непонятные ситуации, или же конфликт, великанша сразу обращала на это внимание, пресекая подобное на корню.

Леа старательно выполняла свою работу – хотя, правда, она не привыкла иметь дело с одеждой, и уж тем более одеждой таких огромных размеров. Все навыки девушки в отцовском доме заключались в вышивке гладью. Но Леа приноровилась. Пальцы ее все так же получали ранки от иглы, однако девушка была полна решимости делать свое дело хорошо, на совесть. И спустя пять дней Леа честно думала, что у нее это начало получаться. До тех пор, пока утром шестого дня к ней не подошла Бренда.

Леа как раз дошивала мужскую тунику, и появление великанши вынудило девушку немного, но понервничать. Бренда окинула внимательным взглядом ее работу. Затем с некой

теплотой, не свойственной ей ранее, посмотрела на Лею. Девушка встретила взглядом с серыми глазами великанши.

– Долго здесь ты не продержишься, – чуть коверкая слова, но все же понятно, произнесла Бренда.

– Почему? – удивилась Леа, и в голосе ее зазвучало отчаяние и непонимание.

Великанша покачала головой и ушла, так и не ответив.

Остаток дня Леа провела в работе и раздумьях над словами Бренды. Духота, царившая с утра, не ушла с приближением вечера. Уставшим, утомленным женщинам было позволено искупаться на местном озере. Естественно, в сопровождении бдительной великанши.

Вечер только начинался, и сумерки, подступившие со всех сторон, делали раскинувшийся пейзаж загадочным. Пленницы, миновав луг с колокольчиками, по широкой тропе добрались до водоема. Он находился в низине, скрытый от любопытных глаз зарослями камыша. Ровная поверхность озера, отражая темнеющее небо, манила, обещая прохладу и чистоту.

Скинув верхние платья, пленницы прямо в нижних нарядях ринулись в воду, заверещав от радости. Лишь Леа, замешкавшись, стояла на берегу. Затем, наконец, она отошла, чтобы быть чуть подальше от всеобщего веселья, и, сняв верхнее одеяние, медленно шагнула в воду. Приятная прохлада с нежностью приняла ее усталое тело. Девушка прикрыла глаза, наслаждаясь ощущениями. Где-то вдалеке раздавался хохот, но Леа не слышала его сейчас. Погруженная в возникшее спокойствие, она впитывала его в себя.

Нехотя покинув воду, девушка, дрожа от прохладного воздуха, стала торопливо одеваться. Она уже заканчивала завязывать пояс, когда послышалось громкое цоканье копыт и мужские голоса. Бренда тут же вышла вперед, готовая встретиться с непрошенными гостями. Глядя сейчас на ее воинственную позу, Леа испытала некое чувство облегчения, уверенная в том, что великанша их защитит.

Голоса мужчин становились все громче, и вот, наконец, глазам женщин предстала группа всадников. Мужчины, сидя верхом на крупных конях, окинули пленниц оценивающими взглядами, и все, как один, остановили его на Лее. Девушка нервно сглотнула, ощущая себя жертвой среди голодных хищников. Она попятилась назад, чем вызвала оглушающий смех среди воинов. Их было семь человек, каждый из них выглядел, как настоящий дикарь.

Воины, перекидываясь меж собой словечками, одновременно, быстро, спешили. Бренда тут же что проревела – этакая настоящая медведица, однако мужчины проигнорировали ее и стали медленно, наслаждаясь процессом, приближаться к Лее. Тогда великанша выступила вперед, крича на них, но один из них отодвинул ее – и дочь Фредека с горечью осознала, что даже сил Бренды не хватило на то, чтобы остановить этих воинов. Леа шагнула назад, в воду, испуганным взором взирая на приближающихся врагов.

Внезапно, между двумя воинами возник конфликт, и они тут же, вытащив мечи, сошлись в смертельной схватке. Другие, встав так, что девушке невозможно было убежать, со смехом наблюдали за битвой своих соплеменников. Леа истошно закричала, когда один из воинов нанес своему сопернику смертельный удар в шею. Победитель, довольно улыбаясь, двинулся в сторону Леи, намереваясь, видимо, забрать ее. Другие мужчины не отошли в сторону. Напротив, каждый из них готов был побороться сейчас за прекрасную чужестранку. И они, бесспорно, сделали это, если бы не появление всадника на вороном коне.

Воины тут же разошлись по сторонам.

Лунная дорожка на гладкой поверхности озера. Убитый воин, распластавшийся на берегу. Светлокожая, с волосами, подобным светлому, золотистому шелку, девушка. Вот что увидел Айомхар, стоило его коню приблизиться к тому месту, откуда воин слышал женский крик. Спешившись, уверенной походкой он подошел к поверженному воину. Янтарные

глаза Айомхара сузились, когда он перевел свой взор на стоявшую неподалеку девушку. Воин шагнул к ней, грубо хватая за волосы, и вопрошая зловещим тоном своих соплеменников:

– Из-за нее?

Мужчины начали что-то говорить, Бренда так же попыталась донести до Айомхара свои мысли, но тот уже не слушал. Глядя на возбужденные лица воинов, тот быстро сделал нужные выводы. Сверлящим взглядом он посмотрел на побелевшее от страха лицо Леи. Воин помнил ее. Это была та самая девушка, подавшая ему воды. Но это не меняло ровным счетом ничего. Резким движением Айомхар намотал на кулак длинные волосы Леи, прижимая ее затылком к своей груди.

– Из-за женщины боя не будет. Отныне она – моя рабыня, – холодно процедил он.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Леа попыталась отпрянуть назад, но властная рука, удерживающая ее волосы, не позволила девушке это сделать. Стон застрял в горле пленницы, так и не вырвавшись наружу. Стоявшие неподалеку воины ухмыльнулись, переглядываясь меж собой и наслаждаясь действием. Женщины же все, кроме Бренды, испуганно пялились на развернувшуюся перед их глазами картину. Несмотря на то, что Леа была с их земель, ни одна из пленниц не собиралась за нее заступиться – не только словом, но даже мыслью. Потому что этот дикарь был слишком страшен, чтобы даже подумать о том, чтобы сказать ему что-то против. Высокий, широкоплечий и с еле удерживаемой агрессией, этот воин из призраков был тем, с кем непременно считались.

Леа с ужасом в широко распахнутых глазах смотрела на довольное лицо воина, державшего ее столь грубо за волосы. Она вскрикнула, когда он, наконец, отпустив ее, тут же вцепился пальцами в нежные скулы девушки, сжимая их. Девушка закрыла глаза, не желая показывать врагу свой страх. Но тот, встряхнув пленницу за плечи, холодно процедил на ее родном языке:

– Что это? Где благодарность? Или это высокомерная кровь Фредека в тебе дает о себе знать?

Стоило ему упомянуть имя отца, как слезы подступили к глазам Леи. Она, собрав всю свою храбрость, посмотрела на мужчину и ответила ему голосом, полным горечи:

– Мой отец был достойным человеком, и для меня будет честью, если я буду похожа на него.

Он рассмеялся – зло, сверкнув янтарными глазами – зловеще, предостерегающе. Стоявшие подальше воины уже знали – этот смех не предвещал ничего хорошего.

– Что же, сейчас мы узнаем, насколько ты смела.

С последним словом Айомхар подтянул девушку к себе, загоразивая ее своим крупным телом от посторонних глаз и одновременно рывком разрывая на ней одежду. Леа даже не поняла, что случилось, когда воин, полуобернувшись, прорычал, оглушая своим властным голосом:

– Вон!

Айомхару не нужно было повторять дважды. Все – воины, женщины – поспешили скрыться, оставив хищника наедине со своей добычей. Это произошло так быстро, что Лее показалось, что она находится в страшном сне. Однако крепкие руки, сжавшие ее обнаженную спину, напомнили девушке, что происходящее – реальность, и все это – лишь начало.

– Отпусти меня, – прошептала Леа, когда Айомхар, приподняв ее, прижал к себе.

Янтарные глаза вспыхнули темным пламенем – завораживающе страшным и притягательным.

– Нет, – коротко ответил воин, изучающее глядя на свою пленницу. Он видел ее страх, а так же уловил и борьбу с этим разрушающим чувством. Взгляд Айомхара переместился на сочные, словно спелая ягода, губы девушки. Не видя причин, чтобы сдерживаться, воин припал к ним в диком, необузданном поцелуе. Он целовал эгоистично, забывая о том, что пленница, что была в его жестких руках, вряд ли могла иметь такой опыт. Мужчина даже не думал об этом. Ему было плевать. Все, что Айомхар хотел сейчас – для начала завладеть ее ртом, а после – и телом, прямо здесь.

Леа не успевала полноценно дышать и уж тем более, разумно мыслить. Твердые губы воина сминали ее рот, язык нагло ворвался, дразня, приводя в стыд и оцепенение. Девушка была столь обескуражена и ошеломлена, что лишилась вмиг каких-либо сил, чтобы бороться. Подобное поведение Айомхар оценил по своему, расценивая как согласие. Он с еще большим усилием начал действовать – толкая девушку чуть назад, в воду, и устремляясь к ней.

Леа, вновь оказавшись в воде, задрожала – от прохлады и страха. Мужчина дернул рукой, срывая остатки одежды с пленницы и швыряя их на берег. Девушка вскрикнула, прикрывая обнаженную грудь руками. Леа попыталась отойти подальше от воина, но куда там – он тут же перехватил ее, притягивая за плечи к себе.

– Не бойся, куколка Леа, я не обижу тебя, – обдавая шею девушки жарким дыханием, начал Айомхар, – весь север и запад знает, что с тобой любили поиграть твой кузен и еще один воин. Теперь – мой черед. Лишь за твою доброту – кувшин с водой, я сделал исключение и взял к себе.

Леа замерла, потрясенно глядя на воина и пытаясь вырваться из его объятий. Он усмехнулся, не обращая внимания на выражение лица девушки. В конце концов, все женщины – великие актрисы, и не такое могут сыграть.

– Это – ложь, – прошептала Леа, прикрывая глаза. Слезы потекли по ее щекам.

– Нет ничего слаще, чем обладать женщиной врага – женой ли, дочерью, – не слыша пленницу, зло процедил Айомхар, впиваясь властным поцелуем в ее губы. Подступившая темнота укрыла его действия ото всех...

Айомхар посмотрел на бледное лицо девушки, что была в его руках. Завернутая в плащ, изнуренная, заплаканная, его пленница спала. Она дышала беспокойно, прерывисто, вздрагивая и всхлипывая. Мужчина плотнее укутал ее в свой плащ, широкими шагами направляясь в сторону дома.

Слухи о дочери Фредека оказались ложными.

Она была невинна.

До тех пор, пока он, Айомхар, не взял ее – как и подобает завоевателю. Движимый собственными страстями и вождением, он, наконец, смог овладеть телом пленницы. Однако, после наслаждения в его грудь, на миг, закралась горечь. Вот так он отплатил Лее за чистую воду. Воин тут же отогнал от себя это чувство – это было необходимо сделать. Теперь дочь Фредека стала его, он вступил в свои права, и не один из рода не посмеет более посягнуть на нее. Он даст ей защиту – это ли не благодарность?

Эта мысль понравилась Айомхару, и горечь, окончательно отступив, заменилась чисто мужским самодовольством. Всегда приятно быть первым. И, пожалуй, последним тоже. Губы воина растянулись в издевательской улыбке. Да, все будет именно так. Леа была хороша собой, свежа и невероятно привлекала его. С того самого первого дня, когда, встав перед ним на колени, протянула ему воду. Именно тогда решилась ее судьба.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Леа проснулась с ощущением потери. Медленно приходя в себя после сна, девушка начала вспоминать события прошлого дня. Ее тут же обдало горячей волной. Господи, как она хотела сейчас, чтобы все это оказалось дурным сном! Леа сжала веки, не желая пробуждаться.

«Сон, всего лишь сон», – шептала она распухшими от ночных поцелуев губами, но разум уже пробудился, вновь явственно показывая в памяти девушки то, что случилось. Она тихо застонала – от боли – душевной и физической, и перевернулась на живот. Рыдания сотрясли ее красивое, обнаженное тело. Она потеряла отца, дом, у нее отняли честь. Как жить после всего этого? И стоит ли? Жизнь превратилась в нескончаемый кошмар...

Выплакавшись, частично излив свою горечь, Леа, наконец, огляделась по сторонам. Она была в спальней комнате – но это точно не был тот домик, предназначенный для пленниц. Деревянные стены, два огромных сундука по углам помещения, окна – прикрытые плотными занавесями, пол, застеленный шкурами животных. Где же она оказалась? Неужели чудовище принесло ее в свое логово?

Со стороны окон послышались мужские голоса, переходившие то на крик, то на смех. Леа настороженно поглядела по сторонам, размышляя, что можно было бы надеть. Она ощущала себя крайне уязвимой в наряде Евы. Наконец, завернувшись в колючее одеяло, девушка прошлепала босыми ногами до одного из сундуков. Как оказалось, он не был заперт. С трудом откинув его тяжелую, темную крышку, закрепленную металлическими полосами, Леа обнаружила в нем одежду. Естественно, мужскую. Нетрудно было догадаться, что она принадлежала тому призраку. Тут же, по коже девушки побежали колкие мурашки, вызванные страшными воспоминаниями. Его руки. Его губы. Дыхание и глаза – беспощадные, горящие странным светом.

Девушка с неким презрением посмотрела на одежду. Она не хотела ее надевать. Ведь она принадлежала ему. Призраку. Преодолевая внутренний протест и напоминая себе, что это – лучше, нежели ходить голышом, Леа извлекла из сундука широкую рубаху темно-серого цвета. Спешно надев ее и поражаясь, какая колючая и широкая эта одежда, девушка оглядела себя – одеяние было ниже колен и доходило до середины икр. И хотя одежда была мужской, в ней Леа чувствовала себя значительно лучше.

Девушка обернулась, окидывая комнату внимательным взглядом – здесь не было и намека на какую-либо роскошь, это жилище больше напоминало обитель аскета. Ни зеркал, ни столов, ни перин, ни гобелена. Лишь шкуры, ничем неукрашенные стены и кровать, спать на которой было сомнительным удовольствием – уж слишком жесткой она была. Леа потеряла спину – ушиб все еще болел, а сегодняшняя ночь поспособствовала усилению боли.

Снаружи по-прежнему слышались мужские голоса. Леа подкралась к окну и сквозь занавеси сумела разглядеть несколько воинов. Один из них, судя по доносившимся звукам, чистил меч. Другие тоже занимались оружием и о чем-то беседовали. Девушка узнала этого мужчину даже со спины – это был тот самый призрак. Она попятилась назад, боясь, что он увидит ее.

Желудок Леи болезненно сжался, настойчиво напоминая о необходимости поесть. Девушка вновь окинула комнату, более внимательным взглядом, в поисках еды. Но так и не нашла ее. Обхватив себя руками за живот, дабы успокоить спазмы в нем, Леа обреченно стала ходить из стороны в сторону, размышляя, как ей быть. Погруженная в совсем нерадужные мысли, девушка не сразу услышала шаги за массивной, дубовой дверью. Та с глухим грохотом отворилась, и на пороге показался воин.

Леа замерла на месте, испуганными глазами взирая на призрака. Впервые она видела его так хорошо – в солнечном свете, без тумана или сумерек. Ужасно было осознавать, что теперь, при ясном освещении, он выглядел не менее страшным. Крутой разворот плеч, мускулистые

руки, от одного взгляда на которые подташнивало от страха. Лицо – бесстрастное, не точеное и приятное, а лицо дикаря – с грубыми линиями, острыми скулами, и глазами, которые, казалось, при желании хозяина, могут убивать.

Айомхар изучающим взглядом смотрел на юное существо, одетое в его, между прочим, рубаху. Взлохмоченные, светлые волосы разметались по плечам, длинные, совершенной формы ноги, скрыты частично, к счастью, не до конца, мужским одеянием. Лицо – испуганное, но тем не менее невероятно красивое, было обращено к нему, Айомхару. Льющийся со стороны окон солнечный свет мягко освещал Лею, делая ее силуэт похожим на небесное создание. Ангела в женском облики. Но разве ангелы существуют? Воин не верил в эти глупости.

Мужчина сделал шаг в сторону пленницы, и та резко дернулась, отбегая к противоположной от него стене. Айомхар вскинул темные брови. Он был удивлен прыткостью девушки и ее наивностью – неужели не поняла, что убежать от него невозможно? Воин повернулся в ее сторону и подошел к Лее, останавливаясь в одном шаге от нее. Мужчине было любопытно – что она еще предпримет?

Чувствуя себя загнанным зверьком, Леа, тем не менее, нашла в себе мужества произнести:

– Не подходи ко мне.

Айомхар не смог сдержать усмешки.

– А если подойду? – спросил он, забавляясь тем, как затрепетала от его слов пленница.

Она обернулась, словно ища выход. Но разве возможно его найти в стене без окон и дверей?

– Я хочу умереть, – выпалила Леа, встречаясь испуганным взглядом с глазами воина. Ей показалось, или в них действительно, на миг, проскользнуло смятение?

– Не слишком ли быстро ты сдалась? – подойдя к девушке вплотную, прошептал Айомхар. Он не сводил с нее глаз, пытаясь разгадать, честна ли та. И, к своему удивлению, мужчина не почувствовал лжи от нее.

– Я потеряла все, что было мне дорого, – начала Леа, глядя прямо на воина, – и я не вижу смысла жить дальше. Разве это не будет радостью для тебя – убить дочь врага, ведь тогда на мне род Фредека закончится? Помоги себе и мне – ты будешь отомщен, а я, наконец, обрету покой.

Она говорила искренне. Ее слова не являлись манипуляцией балованной девчонки. Его пленница рассуждала и озвучивала свои мысли, как зрелая женщина, не давая жалость. Ее красивое, но такое отстраненное лицо, выражало готовность принять смерть.

И это удивило и задело Айомхара.

Эта женщина потеряла отца, замок, честь.

Но не свое достоинство.

Она не валялась у него в ногах, она не строила из себя мученицу, не рвала на себе волосы и не осыпала кого-либо проклятиями и уж точно не пыталась, надев маску, угодить тому, кто лишил ее ценного.

Леа потеряла многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.